

Архимандрит Августин (Никитин)

РУССКИЕ СЛАВЯНОФИЛЫ И НЕМЕЦКОЕ ЛЮТЕРАНСТВО

Славянофильство — первая попытка нашего самосознания, первая самостоятельная у нас идеология. Тысячелетие продолжалось русское бытие, но русское самосознание начинается с того лишь времени, когда Иван Киреевский и Алексей Хомяков с дерзновением поставили вопрос о том, что такое Россия, в чем ее сущность, ее призвание и место в мире¹.

Н. Бердяев

Славянофильство всегда интересовало и до настоящего времени продолжает интересовать исследователей русской религиозно-философской мысли. Ни один русский религиозный мыслитель XIX—XX вв. не был свободен от влияния славянофильского движения. Оно является своеобразным развитием святоотеческой и русской подвижнической традиции.

Известно, что основным вопросом обсуждения у славянофилов был вопрос о Церкви. Отношение Церкви к обществу и государству, о положении личности в Церкви — все эти вопросы стали предметом постоянного внимания славянофилов и их единомышленников. Но даже в наше время один из исследователей отмечал: «Следует признать за непреложный факт, что славянофильство как явление русской общественной жизни 40—50-х годов XIX в. изучено недостаточно»². И в еще меньшей степени разработан вопрос об отношении славянофилов к инославью. Поэтому следует по мере возможности выявить их позицию по этому вопросу, что имеет важное значение не только для русского богословия, но и для западноевропейской религиозно-философской мысли.

Становление позиции. Отношение славянофилов к инославияу складывалось параллельно с процессом формирования самого славянофильства как философского религиозного движения. Зарождению славянофильского движения предшествовала Отечественная война 1812 г., когда русский народ боролся за свою независимость против войск Наполеона³. Большинство русских мыслителей того времени освободилось от поверхностного западничества. В России крепло национальное самосознание, что и подготовило почву, на которой зародилось славянофильское движение. Перед русскими людьми встал вопрос о национальном самоопределении и национальном призвании. Появилась потребность определить дух России, ее национальное лицо, и славянофильство представляло собой ответ на эти запросы.

Славянофилы утверждали, что пересадка на русскую почву иноземной культуры может привести к духовному оскудению народа, что нельзя лишать русский народ самобытности, самостоятельной исторической роли, что необходимо развивать национальные основы. Наряду со славянофильством в России развивалось течение западников. Западники придерживались противоположных воззрений, отстаивая необходимость для России заимствований из Запада. Они видели в нем наиболее современное выражение достижений цивилизации и культуры и считали, что сначала России нужно усвоить европейскую культуру и лишь потом призывать Россию к всемирно-исторической миссии.

Таким образом, русское образованное общество разделилось на два идейно-философских направления — на сторонников самобытного развития России (славянофилов) и европейского пути развития (западников). Между ними началась длительная полемика с использованием аргументов, заимствованных из одних и тех же философских источников. В группу славянофилов входили: «душа» славянофилов А.С. Хомяков (1804–1860), Ю.Ф. Самарин (1819–1876), А.А. Киреев (1833–1911), братья И.С. Аксаков (1823–1886) и К.С. Аксаков (1817–1860), братья П.В. Киреевский (1808–1856) и И.В. Киреевский (1806–1856), А.И. Кошелев (1806–1883) и ряд других. К числу западников относились Т.Н. Грановский, А.И. Герцен, В.Г. Белинский, П.Я. Чаадаев и др.

Славянофилы не отвергали необходимость заимствования достижений научной мысли на Западе, но, по их мнению, такое восприятие должно было преломляться через призму православного сознания. Как отмечал протоиерей В. Зеньковский, «вопреки ходячему слово-

употреблению, согласно которому антизападничество отождествляется со славянофильством, как раз можно утверждать, что в славянофильстве, при всей остроте и напряженности их критики Запада, антизападничество было не только несильно (сравнительно с другими однородными направлениями), но даже постоянно смягчалось их христианским универсализмом»⁴.

Огромное влияние на сознание тогдашнего светского интеллигентного общества оказала немецкая философия, особенно Шеллинг и Гегель. «Мы, да и все его последователи, изучали Гегеля как нового мессию и кланялись ему, как буряты своим фетишам»⁵, — вспоминал литературный критик П.В. Анненков (1812–1887). Поэтому в некоторых исследованиях, посвященных идеям славянофильства, высказывались мнения о том, что славянофилы находились под заметным влиянием историософических теорий Шеллинга и Гегеля. Так, например, А.Л. Блок, русский публицист и философ западной ориентации, отец знаменитого поэта А.А. Блока (1880–1921), даже высказывал мнение, что славянофильство, в сущности, представляет собой лишь некоторое своеобразное отражение западноевропейских учений, преимущественно философии Шеллинга и Гегеля⁶.

Это мнение разделял и другой дореволюционный автор — В.В. Чуйко, заявлявший: «Не может быть никакого сомнения, что славянофильство <...> есть продукт Запада. Оно было вскормлено западной цивилизацией, укреплено изучением Запада и западной истории и обосновано в качестве научной теории наукой Запада»⁷. Эти суждения представляются в определенной степени односторонними, но в них имеется и доля истины. Славянофилы были хорошо знакомы с трудами немецких философов и не могли не учитывать их идеи при разработке собственных концепций. Так, мысль Гегеля, что славянству нет места в европейской истории, заставила славянофилов задуматься о предстоящей роли России во всемирном историческом процессе. В конечном счете они пришли к выводу, что именно России надлежит стать носительницей всемирного духа⁸.

Связь с духовной жизнью Западной Европы весьма существенна для понимания сути славянофильского движения, в частности, его отношения к Церкви Запада. «Славянофилы были первыми русскими европейцами, европейцами в более глубоком смысле слова, чем русские люди XVIII в., принявшие лишь костюм, лишь внешность европейского просвещения, — писал Н. Бердяев. — Славянофилы были теми русскими людьми, которые стали мыслить самостоятельно,

которые оказались на высоте европейской культуры, которые не только усвоили себе европейски-всемирную культуру, но и пытались в ней творчески участвовать <...> И пора признать, что славянофилы были лучшими европейцами, людьми более культурными, чем многие наши западники. Славянофилы творчески преломили в нашем национальном духе то, что совершалось на вершинах европейской и мировой культуры <...> Главная заслуга и своеобразие славянофилов не в том, что они были независимы от западных и мировых влияний и черпали все лишь на Востоке, а в том, что они впервые отнеслись к западным и мировым идеям творчески и самостоятельно, то есть дерзнули войти в круговорот мировой культурной жизни⁹.

При всей критичности славянофилов к западной Церкви, не следует делать вывод о том, что их отношение к ней было отрицательным. Все доброе и назидательное в жизни западной Церкви не было обойдено вниманием славянофилов. Немало положительных замечаний было высказано ими в полемических статьях, письмах, обзорах и критических разборах. И, может быть, именно на этих моментах и следует заострить внимание, так как в наш век мы должны не столько обличать друг друга в ошибках, сколько пытаться выявить основные общехристианские положения, примеры подлинно христианской жизни в разных вероисповедных системах.

А.С. Хомяков (1804—1860). Главная роль Алексея Степановича Хомякова в славянофильском движении общепризнанна. Когда в Москве образовался кружок будущих славянофилов, то его душой стал А.С. Хомяков. Сначала он сблизился с братьями Киреевскими. В доме у них он встретился с двумя студентами — Ю.Ф. Самариным и К.С. Аксаковым. Развитие отношений началось с философских споров и закончилось тесным, дружеским их сближением. Их имена стали неразрывны, и в Петербурге кружку дали название «славянофилов», хотя сами они называли свое движение как «русское направление» (К.С. Аксаков), «московское направление» (Ю.Ф. Самарин), «славяно-христианское направление» (А.С. Хомяков), «самобытники» (А.И. Кошелев)¹⁰.

А.С. Хомякову принадлежит преимущественно заслуга формирования религиозного сознания славянофилов, учения о Церкви, то есть глубочайшей основы славянофильства. По словам В. Троицкого (1886—1929, впоследствии — архиепископ Иларион), А.С. Хомяков «собрал и усвоил то, что говорили на Востоке и Западе в течение нескольких веков по разным поводам, применил все это к западным

исповеданиям, дополнил различными весьма глубокими философскими и историческими соображениями, изложил, наконец, в совершенно новой форме и тоном вдохновенным»¹¹.

Свое учение о Церкви Хомяков раскрывал в форме полемики с западными вероисповедными системами. Но, критикуя их теневые стороны, он выявляет и положительные стороны европейского Просвещения, которые вызывали в нем «вполне справедливую дань удивления его (Запада) великим явлением историческим, и художественным, и научным — будь это Гильдебрандт и Готфрид, или Лютер и Густав Адольф, или творец Сикстинской Мадонны, или строитель Кельнского собора, или Кант, или Гегель, довершители рассудочной философии. Добросовестные или ослепленные, действовавшие с любовью ясновидящие ли и раздраженные осознанным противоречием безысходных своих задач, высокие ли тем нравственным величием, которое сохраняли они, несмотря на неполноту принятого ими закона, или могучие мыслительной силой, несмотря на ложность их мышления, — все они орудия Высшего Промысла и отчасти невольные жертвы исторического развития, могут за свои великие подвиги слышать от нас слово правдивого уважения, не помраченного ни осуждением, ни упреком»¹².

А.С. Хомяков придавал большое значение Реформации, которая явилась действенным стимулом для духовно-нравственного возрождения западной Церкви. Говоря о характере немецкой Реформации, А.С. Хомяков указывал на ее положительное значение: «Народы германские, в которые римская образованность проникла не так глубоко, как в области, бывшие некогда римскими, сделали временный отпор начавшемуся разложению западного мира. Проснулась надежда основать убеждения человека на началах высших, чем рационализм и юридическая формальность; проснулась надежда найти спасение в том духовном мире, который Создателем положен в основу обновленному человечеству. Очистительным громом прогремели над европейским Западом торжественные звуки слова Божия, почти умолкнувшие в продолжение более чем столетия: порыв пламенной веры и деятельной любви оживил все нравственные силы. Свежее и бодрое протестантство, полное юных мечтаний и какой-то строгой поэзии, облагородило личность человека и влило новую кровь даже в истощенные жилы одряхлевшего латинства»¹³.

Рассматривая религиозно-философское наследие А.С. Хомякова, нужно отдать должное не только его вполне обоснованной критиче-

ности, но и самокритичности. Сравнивая православие с неправославными исповеданиями, он не боялся говорить и о негативных явлениях в жизни русской Церкви, назревших, но еще не решенных вопросах. А.С. Хомяков в своем письме А.И. Кошелеву отмечает: «Я совершенно готов допустить и допускаю во многом огромное превосходство Запада, особенно протестантского, над нами»¹⁴.

Внимательное изучение трудов А.С. Хомякова позволяет более детально выявить те проблемы, с которыми пришлось столкнуться основателю движения славянофилов. В заслугу Протестантской церкви А.С. Хомяков ставил то, что она дала Священное Писание всем верующим без исключения и тем самым способствовала богословскому развитию западных христиан. «Я не думаю ни утверждать, — пишет он, — что протестанты относятся равнодушно к истолкованию Священного Писания (это была бы клевета, недостойная честного человека), не думаю также отрицать достоинства их трудов по этой отрасли человеческого знания»¹⁵.

И далее, признавая заслуги протестантов в изучении Священного Писания, святоотеческой письменности и церковной истории, А.С. Хомяков замечает: «Не должны ли мы со стыдом признаться, что большинство народа у вас (лютеран. — *а.А.*) гораздо более знакомо со Священным Писанием, чем наши соотечественники? А ваше духовенство и даже миряне не лучше ли изучили церковную историю и писания святых отцов, чем наши ученые и богословы?»¹⁶ Критикуя противоречивость в отрицании протестантами Священного Предания, А.С. Хомяков, тем не менее, признает, что понятие предания у протестантов тоже имеется. «Знаю, — отмечал он, — что предание как факт несомненный существует у реформаторов, хотя они всеми силами отвергают его принцип и законность»¹⁷.

Такая объективная позиция в отношении Реформации вызвала соответствующую реакцию Запада. По словам одного из исследователей богословского творчества А.С. Хомякова, «написанная очень смело и умно брошюра Хомякова, обратила на себя внимание немецких богословов и вызвала, по крайней мере со стороны протестантов, отзывы, в которых слышалось сознание правды, высказанное им в глаза православным небогословом»¹⁸.

Проблему взаимоотношений между христианами Востока и Запада в оценке Хомякова можно завершить его высказываниями, которые свидетельствуют о широте его подхода не только к основным христианским конфессиям, но и к менее значительным деноминациям.

По мнению А.С. Хомякова, «все христианские секты заключают в недрах своих таких людей, которые, несмотря на заблуждения их учений (большей частью наследственные), своими помыслами, своим словом, своими делами, всей своей жизнью чувствуют Того, Кто умер за своих преступных братьев»¹⁹.

А.С. Хомяков считал, что никто из людей не исключен из Божественного плана спасения. У Бога нет отверженных, и поэтому, несмотря на то что «все такие люди, от идолопоклонника до сектатора, более или менее погружены во тьме, но всем виднеются лучи вечного света, доходящего до них различными путями; конечно, слабы, недостаточны эти лучи, но все они идут от Бога и от Христа, и средоточие у них одно: в Солнце истины, Которое светит для Церкви»²⁰.

И, наконец, можно упомянуть о том, что еще в молодости А.С. Хомяков мечтал о воссоединении всех Церквей; «его воображение часто воспламенялось надеждой увидеть весь мир христианский, соединенный под одним знаменем истины»²¹. А.С. Хомяков искренне молился о воссоединении Церквей, в частности, он писал: «...многие русские люди повторяют молитву о соединении всех не одним языком и голосом, но душой и сердцем»²².

И.В. Киреевский (1806–1856). Как уже было отмечено, в прошлом нередко славянофилов искусственно противопоставляли западникам, чтобы подчеркнуть консерватизм одних и прогрессивные взгляды других. При этом сознательно делался акцент на критичность славянофилов по отношению к Западу. В таком освещении они представлялись неспособными увидеть ничего, кроме своей самобытности.

Взгляды Ивана Васильевича Киреевского убедительно демонстрируют несостоятельность этих рассуждений. Как писал он в одном из своих трактатов, «если говорить откровенно, я и теперь еще люблю Запад, я связан с ним многими неразрывными сочувствиями. Я принадлежу ему своим воспитанием, моими привычками жизни, моими вкусами, моим спорным складом ума, даже сердечными моими привязанностями»²³. В другом месте И.В. Киреевский пишет: «И что, в самом деле, за польза нам отвергать и критиковать то, что было и есть доброго в жизни Запада? Не есть ли оно, напротив, выражение нашего же начала, если наше начало истинное? Вследствие его господства над нами все прекрасное, благородное, христианское нам необходимо как свое, хотя бы было европейское, хотя бы африканское»²⁴.

Как и А.С. Хомяков, И.В. Киреевский придавал христианству основополагающее значение при выработке философских концеп-

ций. По его словам, «направление философии зависит <...> от того понятия, которое мы имеем о Пресвятой Троице»²⁵. По твердому убеждению И.В. Киреевского, христианство является той духовной силой, которая призвана объединять Восток и Запад, а не разделять их. «Рассматривая основные начала жизни, образующие силы народности в России и на Западе, — писал И.В. Киреевский, — мы с первого взгляда открываем между ними одно очевидно общее — это христианство. Различие заключается в особенных видах христианства, в особенном смысле частного и народного быта»²⁶.

Среди множества причин, повлиявших на возникновение Реформации, И.В. Киреевский выделил одну, которую считал важнейшей, — рациональный характер западного Просвещения. По его мнению, именно эта причина произвела разделение Вселенской Церкви и вызвала Реформацию. Как отмечал И.В. Киреевский, «подчинив веру логическим выводам рассудка, западная Церковь еще в IX в. заложила внутри себя неминуемое семя Реформации, которая поставила ту же Церковь перед судом того же логического разума, ею самою возвышенного над общим сознанием Церкви Вселенской, и тогда еще мыслящий человек мог уже увидеть Лютера из-за папы Николая»²⁷.

И.В. Киреевский, «самый западный», по определению Г. Флоровского, среди старших славянофилов²⁸, в 1832 г. основал журнал под характерным названием «Европеец». На первых порах он даже отдавал приоритет западному образованию, «ибо, не имея достаточных элементов для внутреннего развития образованности, откуда возьмем мы ее, если не из Европы?»²⁹ И лишь много позже И.В. Киреевский пересмотрел свою точку зрения по этому вопросу, заявив: «Начала русской образованности только потому особенны от западных, что они — высшая их степень, а не потому, чтобы были совершенно иные»³⁰.

Как бы мы ни оценивали эти две противоположные точки зрения, важно подчеркнуть, что И.В. Киреевский постоянно выступал за сближение между Востоком и Западом, подчеркивая, что этот процесс обогащает обе стороны, участвующие в нем. «Отвергая все европейское, мы тем самым отрезаем себя от всякого участия в общем деле умственного бытия человека, ибо нельзя же забывать, что Просвещение европейское наследовало все результаты образованности греко-римского мира, который, в свою очередь, принял в себя плоды умственной жизни всего человеческого рода»³¹, — такова позиция И.В. Киреевского. Он понимал, что понадобятся десятилетия для

того, чтобы упразднить те средостения, которые имеются на пути к взаимопониманию между Востоком и Западом.

«Какая-то китайская стена стоит между Россией и Европой, и только сквозь некоторые отверстия пропускает к нам воздух просвещенного Запада, стена, в которой великий Петр ударом сильной руки пробил широкие двери; стена, которую Екатерина долго старалась разрушить, которая ежедневно разрушается более и более, но, несмотря на то, все еще стоит высоко и мешает»³², — писал И.В. Киреевский, не подозревая о том, что данная проблема в будущем чрезвычайно осложнится из-за военно-политического противостояния между Востоком и Западом.

К.С. Аксаков (1817–1860) и Ю.Ф. Самарин (1819–1876). Говоря о ближайших соратниках А.С. Хомякова и И.В. Киреевского, прежде всего следует упомянуть о Константине Сергеевиче Аксакове и Юрии Федоровиче Самарине. По словам Г. Флоровского, у каждого из славянофилов «был свой путь и жизненная тема не у всех была одна. Ив. Киреевский пришел от романтики и шеллингизма. Хомяков через подобный искус сердцем никогда не проходил. Константин Аксаков и Юрий Самарин перешли через острое увлечение тогда вновь распространявшимся у нас гегельянством <...> Общим было только некое основное самоощущение <...> пафос соборности»³³.

К.С. Аксаков, как и его идейные наставники, старался дать объективную оценку Реформации, обращаясь к ее проблемам вместе с теми протестантами, которые стремились преодолеть кризис, в котором находилось это религиозное движение. По замечанию К.С. Аксакова, «в позднейшее время протестантские богословы, прекрасно понимая катастрофическое состояние протестантизма, всеми силами старались остановить гибельный для религии на Западе процесс. Некоторые из них обращают взгляд на православие. Немецкий протестантский профессор Овербек в книге “С Востока свет” взывал: “Братья протестанты! Взгляните на Церковь, которую основал Христос <...> Эта Церковь оставалась такой, как была, неизменной, в православной вере. Кафолическое, но не римское — пусть будет нашим кличем!”»³⁴.

Другой представитель славянофильства — Ю.Ф. Самарин — развил в печати положения сложившегося направления, осуществляя в жизни заветы старших славянофилов. Ю.Ф. Самарин, по его собственному признанию, был учеником и последователем А.С. Хомякова. Под влиянием Хомякова Ю.Ф. Самарин переработал свою диссертацию на тему «Феофан Прокопович и Стефан Яворский» (1844)

и развил в применении к конкретному случаю идеи Хомякова об отношении православия к католицизму и протестантизму. На это указал проф. Иванцов-Платонов в предисловии к диссертации Самарина, отметив, что эти изыскания «имеют в основе своей те самые положительные начала, которые по преимуществу раскрыты были Хомяковым и составляют собственно полемические применения этих начал к анализу католицизма и протестантизма»³⁵.

Вслед за Хомяковым критикуя искажения, внесенные рационализмом в христианское богословие, Ю.Ф. Самарин умел видеть и ценить в западном христианстве его положительные стороны, исторические заслуги. Говоря о полемических произведениях Хомякова, в предисловии к его работе «Церковь одна» Ю.Ф. Самарин отмечал, что он поднял голос не против вероисповеданий, латинского и протестантского, а против рационализма, им первым осознанного в начальных его формах — латинской и протестантской»³⁶.

А.А. Киреев (1833–1911). Для характеристики отношения славянофилов к протестантизму интересно также мнение Александра Алексеевича Киреева, который в юношеские годы сблизился со старшими славянофилами. Хомяков, братья Киреевские, Аксаковы, Самарин и другие выдающиеся представители славянофильского направления были постоянными посетителями дома его родителей и оказали на него сильное влияние. С 1872 по 1877 г. А.А. Киреев состоял секретарем Петербургского отделения Московского общества любителей духовного просвещения. С этого времени начинается его деятельное сотрудничество с руководителями как старокатолического движения, так и с западными приверженцами сближения с Православной церковью, с которыми он вел оживленную переписку по богословским и церковным вопросам.

В своем труде «Воссоединение Церквей и славянство», написанном в качестве ответа на статью В.С. Соловьева «Славянский спор», защищая протестантизм от нападок, он пишет: «Протест Лютера имел, безусловно, верное основание <...> Мы можем пользоваться протестантской культурой <...> оставаясь вполне православными; ведь и Хомяков, и Киреевские, и Самарин, и многие другие последователи славянофильских теорий глубоко изучили немецких философов прошлого и начала нынешнего (XIX в. — *а.а.*) столетия и, однако, не пошатнулись в своем православии <...> В государствах протестантских дух христианства держится едва ли не крепче, нежели в государствах католических»³⁷.

Развивая свои мысли в практической сфере, А.А. Киреев призывал смело ломать те межконфессиональные перегородки, которые на протяжении столетий воздвигались между Востоком и Западом: «Нам вовсе не следует сторониться от остальных христиан, — писал он, — напротив, мы должны изучать их жизнь, усваивать плоды их науки, их культуры. Мы должны перенимать <...> у протестантов их способность вводить религиозные идеалы в самую жизнь, нормировать ее своими верованиями, их ученость, мы должны любить их»³⁸.

Весьма актуально звучат слова А.А. Киреева, высказанные им еще в конце XIX в.: «Мы должны подготовиться к тому событию, которое, без сомнения, укрепит наше единство и придаст нам новые силы <...> Я разумею созвание Вселенского собора. Не знаю, трудно ли это или легко, но знаю, что это необходимо и что это становится каждый день все необходимее!»³⁹

* * *

Славянофилы внесли свой посильный вклад в дело сближения разделенных Церквей, сумели преодолеть тенденциозность «обличительного богословия», научились уважать оппонентов в дискуссиях, дали мощный импульс всей русской богословской мысли XIX в., оставили заметный след в истории русской культуры. По словам Н. Бердяева, «они не только определили наше национальное самосознание как религиозное по духу и цели, но также поставили перед нашим сознанием основную тему — тему Востока и Запада. Темой этой наполнена вся духовная жизнь России XIX в., и она передалась веку XX как основная, как поставленная перед нами всемирно-историческая задача. И до наших дней длящаяся борьба славянофильских и западнических начал в русском самосознании вся сосредоточена вокруг этой темы Востока и Запада <...> Но наступают времена, когда нельзя уже выбирать, Восток или Запад, когда для самого бытия России и для выполнения ее миссии нужно утверждать в ней и Восток, и Запад, соединять в ней Восток с Западом»⁴⁰.

1. Бердяев Н. Алексей Степанович Хомяков. М., 1912. С. 2.

2. Кулешов В.И. Славянофилы и русская литература. М., 1976. С. 13.

3. Целый ряд исследователей, таких как А.Г. Лушников, А.А. Галактионов и П.Ф. Никандров, считают, что толчком движению славянофильства послужила война России с Наполеоном. См.: Лушников А.Г. Историко-литературная почва первого славянофильства. Казань, 1913. С. 27; Галактионов А.А.,

Никандров П.Ф. Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли // Вопросы философии. 1966. № 6. С. 31.

4. *Зеньковский В.*, прот. Русские мыслители и Европа. Париж, 1955. 2-е изд. С. 66–67.

5. Цит. по: *Бродский Н.Л.* Ранние славянофилы. М., 1910. С. XXXV.

6. *Блок А.П.* Политическая литература в России и о России. Варшава, 1884. С. 6.

7. *Чуйко В.В.* Старое и новое славянофильство // Наблюдатель. 1890. № 3. С. 98.

8. *Милюков П.* Из истории русской интеллигенции. СПб., 1902. С. 268.

9. *Бердяев Н.* Указ. соч. С. 2.

10. *Кошелев В.А.* Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов 1840–50 гг. М., 1984. С. 6.

11. *Троицкий В. А.С.* Хомяков и древнецерковные полемисты // Вера и разум. 1911. Т. 3, № 18. С. 746.

12. *Завитневич В.З. А.С. Хомяков.* М., 1913. Т. 2. С. IV.

13. Церковь, католичество и протестантство. Краткий очерк их истории по А.С. Хомякову. М., 1914. С. 64; *Хомяков А.С.* Сочинения. 2-е изд. М., 1871. Т. 1. С. 210.

14. *Хомяков А.С.* Полное собрание сочинений. М., 1904. Т. 8: Письма. С. 150.

15. Церковь, католичество и протестантство... С. 67.

16. Там же. С. 113.

17. Там же. С. 77.

18. *Базаров И.И.* Воспоминания // Русская старина. 1901. Т. 106. С. 57.

19. *Хомяков А.С.* Полное собрание сочинений. М., 1900. Т. 2. С. 230.

20. Там же.

21. *Завитневич В.З. А.С. Хомяков.* Киев, 1902. Т. 1, кн. 2. С. 1085.

22. Там же.

23. *Киреевский И.В.* Полное собрание сочинений. М., 1911. Т. 1. С. 112.

24. Там же. С. 156.

25. Там же. С. 74.

26. Там же. С. 111.

27. Там же. С. 190.

28. *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1981. С. 254.

29. Цит. по: *Ляковский В.* Братья Киреевские. Жизнь и труды их. СПб., 1899. С. 42.

30. Цит. по: *Флоровский Г.* Указ. соч. С. 254.

31. *Киреевский И.В.* Полное собрание сочинений. М., 1911. Т. 1. С. 155.

32. Там же. С. 95.

33. *Флоровский Г.* Указ. соч. С. 253.

34. *Аксаков К.С.* Полное собрание сочинений. М., 1876. Т. 2. С. 38.

35. *Самарин Ю.Ф.* Сочинения. М., 1880. Т. 5. С. XXI.

36. *Хомяков А.С.* Церковь одна. Монреаль, 1975. С. 41.
37. *Киреев А.А.* Сочинения. СПб., 1912. Т. 1. С. 196.
38. Там же. С. 232.
39. Там же.
40. *Бердяев Н.* Указ. соч. С. 28.